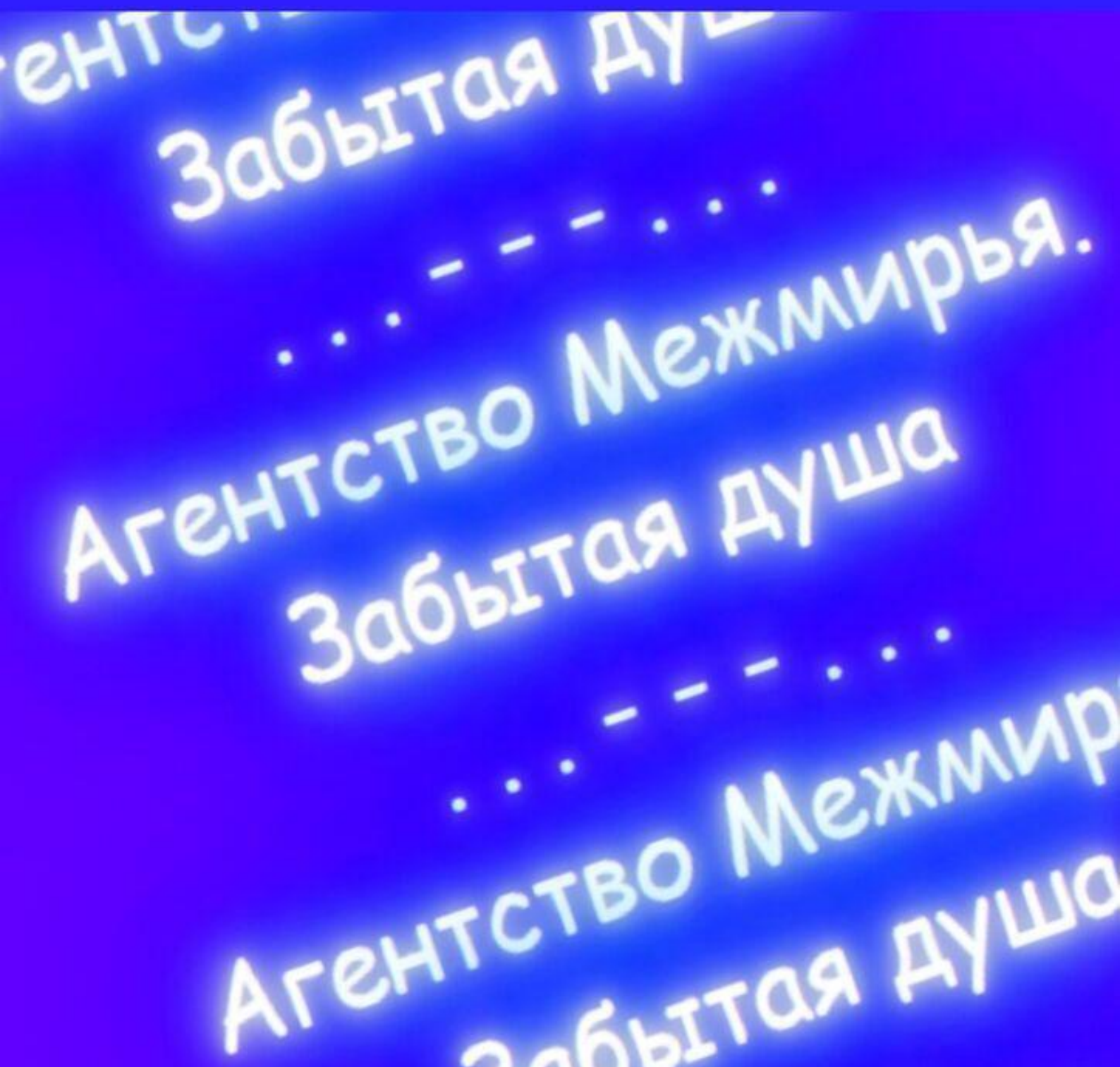

18+

Наталия Казанникова

Агентство Межмирья

Мистические рассказы

Наталия Казанникова

**Агентство Межмирья.
Мистические рассказы**

«Издательские решения»

Казанникова Н.

Агентство Межмирья. Мистические рассказы / Н. Казанникова —
«Издательские решения»,

«Агентство Межмирья». Сборник мистических рассказов — истории
о границах между мирами. Двери открываются тем, кто смотрит внимательно.

Содержание

Предложение	6
Корабль в тумане	8
Синий сон	10
Последнее лето	13
Вкус четверга	15
Кнопка	17
Письмо из прошлого	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Агентство Межмирья Мистические рассказы

Наталия Казанникова

© Наталия Казанникова, 2026

ISBN 978-5-0071-0114-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предложение

Таро Ито был художником-неудачником. В его мастерской на окраине Токио пылились десятки полотен — яркие, дерзкие, но никому не нужные. Он продавал одну-две картины в год, еле сводил концы с концами и всё чаще ловил себя на мысли: «Может, я просто бездарь?»

В тот вечер он сидел в кафе «Кацура» — забегаловке с дешёвым кофе и скрипучими стульями. За окном шёл дождь, размывая огни неоновых вывесок. Таро листал каталог престижной галереи, где выставлялись его бывшие однокурсники — те, кто выбрал коммерцию вместо искусства.

— Вам одиноко? — раздался голос.

Таро взглянул. За столиком сидел мужчина в длинном чёрном плаще. Лицо его было трудно разглядеть — будто скрыто лёгкой дымкой. Но среди размытых очертаний отчётливо выделялись слишком яркие красные глаза.

— Я не приглашал вас, — сухо сказал Таро.

— А я и не жду приглашения, — улыбнулся мужчина. — Я вижу людей, готовых на всё. Вы из таких.

Незнакомец достал из кармана тонкий лист бумаги. На нём не было ни печати, ни логотипа — только строки, написанные чёрными чернилами.

— Подпишите, и ваши картины начнут покупать. За баснословные деньги. Вы станете знамениты.

— Что взамен? — спросил Таро, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Всего лишь... немного вдохновения. Я буду подсказывать вам. Немного корректировать. Чтобы ваши работы стали... идеальными.

Таро посмотрел на бумагу. Буквы пульсировали, будто живые.

— Почему я должен вам верить?

Мужчина наклонился ближе. Теперь Таро отчётливо видел: под столом у него не ноги, а копыта, скрытые складками плаща.

— Потому что вы уже проиграли. Вы смотрели на чужие успехи и думали: «Почему не я?» Вы ненавидели мир за то, что он не ценит вас. Это и есть дверь. А я — ключ.

Рука Таро дрогнула. Он уже потянулся к перу, но вдруг услышал голос — тихий, как шелест страниц:

«Помнишь, как ты рисовал в детстве? Просто потому, что хотелось?»

Таро вспомнил. Он, семилетний, сидит на полу в доме бабушки и рисует солнце — огромное, жёлтое, с лучами, похожими на волосы. И счастье. Чистое, без условий.

В тот же миг за окном кто-то ударил по струнам — мягко, почти неслышно, но звук проник в самое сердце. И донеслось:

*Блаженный Свет, любви аскет,
Ты помнишь всё, Ты знаешь всех,
Свои холсты Ты рисовал, души не чая...*

Через мгновение голос продолжил, и мелодия, казалось, витала в воздухе, смешиваясь с каплями дождя, стучащими по подоконнику:

*Ты созидал, запечатлял,
наивной жизнью вдохновлял...
И восхищались Твоей кистью даже боги!*

Таро замер, чувствуя, как что-то внутри него — то, что он почти забыл, — встрепенулось и ожило. В груди разливалась теплота, словно он снова сидел на том самом полу, держал в руках кисть и видел мир таким, каким он был на самом деле: ярким, живым, полным чудес. Таро отдёргнул руку.

— Нет.

Мужчина в плаще усмехнулся:

— Ты пожалеешь.

Незнакомец скомкал бумагу, швырнув её на стол. Он растворился в воздухе, оставив после себя лишь запах серы.

На следующий день Таро проснулся с ощущением, что что-то изменилось. Он пошёл в мастерскую и начал писать. Без плана, без страха, без мыслей о продаже. Он рисовал как тогда, в детстве.

Через месяц его пригласили на выставку — маленькую, в подвальном зале. Но люди стояли перед его картинами и плакали. Одна женщина купила полотно за сумму, которой хватило бы на год жизни.

— Это... прекрасно, — сказала она. — Как будто вы заглянули в мою душу.

Таро улыбнулся. Он знал: это не магия. Это просто он.

Годы шли. Таро стал известным художником. Его работы висели в музеях, о нём писали книги. Но иногда, в дождливые вечера, подходя к окну своей новой студии, он видел: на противоположной стороне улицы стоит фигура в чёрном плаще.

Она не приближалась. Не угрожала. Просто наблюдала.

Однажды Таро открыл окно и крикнул:

— Ты проиграл!

Фигура медленно подняла руку — будто в прощальном жесте — и растворилась в тумане.

Спустя много лет он шёл по знакомому переулку и невольно замедлил шаг у кафе «Кацура». За мокрым от дождя стеклом Таро разглядел очертания силуэта в чёрном плаще.

А в голове зазвучало: *«Предложение ещё в силе»*.

Корабль в тумане

В феврале 2006-го я потерял друга. Мы были знакомы с детства — вместе лазали по стройкам, делили последний бутерброд, мечтали о путешествиях.

В последний раз виделись за полтора месяца до трагедии — сидели у него дома с нашими жёнами, пили чай с имбирным печеньем и говорили о том, о чём обычно не говорят вслух.

— Если кто-то из нас уйдёт первым, — сказал он тогда, помешивая сахар в чашке, — должен вернуться и рассказать. Что там. Как оно на самом деле.

Мы посмеялись, но в его глазах была серьёзность.

Я кивнул:

— Договорились.

Кто же знал, что это случится так скоро...

Он начал приходить ко мне во снах. Не как призрак, не как воспоминание — а живой, настоящий, будто мы просто не виделись пару дней.

В первом сне стоял на платформе метро и махал рукой:

— Эй, помнишь, что мы обещали?

Потом были другие сны — короткие, яркие, как вспышки. Он показывал мне места, которых я никогда не видел: лес с деревьями-великанами, город с куполами из стекла, пустыню, где песок переливался всеми цветами радуги. Я просыпался с ощущением, что где-то там, за гранью, мир гораздо больше, чем кажется.

Сны длились около полугода. А потом пришёл тот сон. Я стоял на палубе корабля. Пахло солью и старым деревом, а где-то над головой скрипела мачта, будто отсчитывая время. Вокруг — бескрайний океан, лёгкий туман, редкие льдины, проплывавшие мимо.

На борту были ещё трое: мой друг, с которым мы договорились о «сообщении с того света», дедушка, умерший в мае, и ещё один друг, ушедший в декабре, — он махал мне рукой, приглашая присоединиться.

— Ну наконец-то, — сказал мой друг, подходя ближе. — Ты пришёл. Мы ждали.

Дедушка молча кивнул, глядя вдаль. Второй друг сделал шаг ко мне, и на мгновение показалось, что я слышу, как скрипят доски под его ногами.

— Садись, — сказал первый друг, указывая на скамью. — Расскажешь, как там, на той стороне?

— На какой «той стороне»? — не понял я.

— На живой, — тихо ответил он. — Ты же ещё там.

Мы сели на скамью, закутались в шерстяное одеяло. Дедушка рассказывал анекдоты, друг показывал фокусы с чашкой, я смеялся так, что болел живот. Впервые за много месяцев мне было легко.

Корабль плыл сквозь туман, но казалось, что он движется не по воде, а сквозь само время — медленно, размеренно, как часы, которые забыли завести.

Но потом что-то изменилось. Туман стал гуще, льдины — крупнее. Мой друг вдруг замолчал, посмотрел на меня серьёзно.

— Пора, — сказал он.

— Куда?

— Назад. Ты ещё не готов.

Он на мгновение замер, улыбнулся так, как улыбаются, отпуская кого-то на свободу, и шепнул: «Помни». Затем, резко схватив меня за руку, толкнул за борт. Я упал в ледяную воду — и проснулся. За окном светало. Больше он мне не снился.

На следующий день нашёл в ящике стола старую фотографию: мы с ним на море, лет пятнадцать назад. Он смеётся, держит в руке ракушку, а на обороте написано карандашом: *«Помни — мир больше, чем кажется»*.

Фото было чуть тёплым, хотя лежало в холодном ящике, а ракушка на снимке, казалось, светится в полумраке комнаты.

Я долго смотрел на эту надпись. И вдруг понял: он рассказал. Просто не словами. А всем этим — кораблём, туманом, смехом, даже тем толчком в воду.

Он сказал: *«Живи. Твоё время ещё не пришло»*.

Иногда, самыми туманными утрами, я почти слышу отдалённый гудок корабля — слабый, едва уловимый, но такой знакомый. Где-то там, в другом океане, они всё ещё плывут — мой друг, дедушка и тот, другой друг. И ждут, когда придёт их очередь встретить меня.

Но это будет не скоро.

А пока — я завариваю чай с имбирным печеньем и смотрю в окно. Просто чтобы помнить:

мир действительно больше, чем кажется.

Синий сон

Я родился на кладбище. Не на действующем — на застроенном. Наш дом стоял там, где семьдесят лет назад проходили захоронения. А за оградой двора начиналось другое кладбище — действующее. Так и вышло: вся моя жизнь — между могилами.

Однажды, стоя у ограды, я услышал, как ветер донёс слова:

Ты слушал когда-нибудь Небо?

Когда душу вяжет узлом,

Когда падают в бездну надежды —

Жизнь от смерти на волосок?

Я не знал, кто поёт. Но эти строки будто были написаны для меня. Они повисли в воздухе, как туман над старыми могилами, и я почувствовал, что мир чуть-чуть приоткрыл свою тайну.

Друзья сторонились этих мест. Говорили: «Там — тишина. А тишина — это неживое». А я чувствовал: оно — здесь. Здесь — самое живое.

В детстве находил вещи. Маленькие, но — значащие. Золотое кольцо с янтарём. Старую пуговицу с гербом. Монету, на которой время стёрло лицо короля. Я приносил их домой, но не как трофеи — как письма. Кто-то оставил их для меня. Кто-то помнил.

А потом пришли сны.

Сначала — обрывки. Шёпот. Тени, скользящие по краю зрения. Потом — синий цвет. Именно так я понял: я сплю. Но сон не был сном. Это была — встреча.

Я просил — простыми словами, без заклинаний, без книг:

— Помогите.

— Подскажите.

— Я не знаю, как жить.

И они приходили. Не все. Только те, кто хотел быть услышанным. Они не говорили громко. Они вдыхали слова в мой разум, как ветер в листву. Иногда — предупреждение.

Иногда — просто: «Ты не один».

Были и знаки. Дважды.

Первый — когда двое хулиганов, избившие меня, разбились в аварии. Я стоял у их могил и шептал:

— Я не желал этого. Но где-то внутри знал: я просил.

Просил, чтобы мир стал справедливым.

Второй знак — когда совершивший подлость, бывший начальник, также разбился. Я снова пришёл к могиле. На этот раз — молча. Потому что понял: *молчание — это тоже молитва.*

Я просил прощения. Искренне. У Всевышнего. За все свои злые помыслы в адрес этих бедолаг. Просил. Но не знал — прощён ли.

Я не выбирал, где родиться. Не искал знаний в оккультных книгах. Я просто слушал и наблюдал.

И чем больше слушал, тем яснее понимал:

Кладбище — не место смерти.

Это — перекрёсток. Здесь встречаются два мира:

Тот, что дышит,

И тот, что помнит.

А я —

Я — проводник.

Не маг. Не шаман. Просто тот, кто слышит.

Однажды я спросил у синего сна:

— Кто я?

Он ответил не словами. Он показал мне зеркало.

В нём отражались: *старик в военной форме, девочка с цветком, мужчина с разбитым сердцем, и я.*

Все — в одном лице.

В отражении, мужчина кивнул мне.

Старик прошептал: «Спасибо, что помнишь».

Девочка протянула цветок.

Тогда я понял:

Я — не один. Я — множество.

Я — эхо тех, кто не успел договорить.

Я — голос тех, кто больше не может кричать.

И теперь знаю:

Кладбище — это не конец. Это только начало.

Сны — не иллюзии. Сны — это связь.

Синий цвет — не случайность.

Синий — это всегда знак.

И если ты когда-нибудь почувствуешь, что мир говорит с тобой — не пугайся. Просто прислушайся.

Возможно, ты — следующий проводник.

А может, уже им стал.

Ветер шевельнул листву, и я вновь услышал ту песню — теперь она звучала иначе, мягче, словно утешая:

Небо часто меняется в лицах,

Оставаясь при этом собой;

В наших лёгких — небесные блики,

В наших душах — забытый покой!

Я закрыл глаза и вдохнул глубже. Да, теперь я слышал. И знал: это не конец. Это — продолжение.

Послесловие

Эта история — не о мистике. Она — о памяти.

О том, что мы не одни.

Мы все связаны с теми, кто был до нас.

Последнее лето

Кейта знал, что лето будет особенным. Он чувствовал это в воздухе, в запахе цветущей сакуры, в звуках своей гитары. Песни приходили сами собой — мелодии, рождавшиеся словно из забытого сна, будто где-то в глубине памяти они уже существовали.

В маленьком кафе у вокзала он увидел её. Девушка сидела у окна и листала блокнот. Когда она подняла глаза, Кейта застыл: в её взгляде он увидел отражение собственных глаз — тех, что смотрели на него с выцветших детских снимков.

Он не помнил родителей: их образы растворились в детстве, оставив лишь пустоту и вопросы без ответов.

— Мы уже встречались, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Много раз. Но в этот раз всё закончится.

Её звали Юми. Они начали путешествовать вместе — из города в город, из кафе в кафе. Играли на улицах, в парках, случайных барах.

Однажды, во время выступления у старого храма, Кейта вдруг услышал внутри себя слова, словно они всегда были частью мелодии:

*Свет в руках зари —
Он, словно лик святой любви,
из прошлых лет напомнил миг,
где хрупкий мир ещё хранил,
оставил след, тот вечный блик природных сил...
Меняя жизнь, простой рассвет,
как никогда и как всегда, меня любил...*

Он посмотрел на Юми —
она кивнула, будто тоже их слышала.

С каждым выступлением их музыка менялась: она становилась глубже, «космичнее». Слушатели плакали, не понимая почему.

— Откуда берутся эти песни? — спросил Кейта однажды вечером, когда они сидели у костра на берегу озера, а над головой раскинулось звёздное небо.

— Мы не сочиняем их, — ответила Юми. — Мы вспоминаем. Она подняла лицо к звёздам и тихо запела:

*Вдаль, теплом мечты, ведут следы святой любви,
где как хрусталь, звенит в тиши
живой родник твоей души...*

Кейта подхватил мелодию, и их голоса слились, уносясь ввысь, к далёким созвездиям.

Мелодия перехода

На закате последнего дня лета они поднялись на холм над морем. Ветер шевелил их волосы, а внизу, у подножия холма, шумел прибой. Юми взяла гитару, и они начали играть последнюю мелодию — самую прекрасную из всех:

*Благослови мой путь к тебе, Светлое Небо,
Дай же сил мне взлететь на крыльях Мечты!*

Кейта чувствовал, как что-то внутри него отпускает.
Он посмотрел на Юми — она улыбалась.

Когда мелодия затихла, их уже не было.

Только гитара осталась лежать на траве, и ещё несколько секунд из неё доносились отзвуки, словно музыка не закончилась, а перешла в иное измерение, оставив след в этом мире.

Прохожий поднял инструмент.

Он не знал, откуда тот взялся, но в голове зазвучала мелодия — неземная, невесомая, будто принесённая ветром с другого берега мира:

*Где ты, воля вольного чистого Неба?
Где ты, сила моя — святая любовь?*

Вкус четверга

Кадзуо любил пиво. Простое, холодное, с лёгкой горчинкой — оно идеально дополняло вечер после работы. Он пил его по четвергам: традиция, не более.

Но в какой-то момент всё изменилось.

Сначала он просто стал чаще думать о четверге. В понедельник, глядя в окно автобуса, представлял, как откроет банку. Во вторник, обсуждая проект с коллегами, ловил себя на мысли: «Ещё два дня — и пиво». В среду вечером начал прикидывать, какой сорт взять на этот раз.

Это не тревожило его — до тех пор, пока однажды, в среду днём, он не поймал себя на том, что стоит у витрины магазина, разглядывая холодильники с пивом, хотя ещё час назад собирался купить только хлеб.

— Что со мной? — пробормотал он, отходя от витрины.

В тот вечер Кадзуо впервые за много лет открыл банку пива в среду. Вкус был таким же, как всегда. Но что-то изменилось. Когда он поставил банку на стол, краем глаза заметил движение — будто тень скользнула по стене. Он обернулся: ничего.

Тень за плечом

К следующему четвергу навязчивость усилилась. Он не мог сосредоточиться на работе, всё время смотрел на часы. В голове крутилась одна мысль: «Пиво. Пиво. Пиво».

После работы пошёл не домой, а в бар — тот самый, где обычно пил по четвергам. Заказал две банки вместо одной. Потом ещё две.

— Ты сегодня раньше, — заметил бармен, ставя перед ним очередную порцию.

— Да, — Кадзуо попытался улыбнуться. — Решил разнообразить график.

Когда он поднял голову, то снова увидел её — серую тень в углу зала. Она была похожа на сгусток тумана, но в нём угадывались очертания чего-то... жадного. Тень колыхалась, будто дышала, и тянула к нему полупрозрачные шупальца.

Кадзуо вздрогнул.

— Вы что-то видели? — спросил бармен, проследив за его взглядом.

— Тень, — сказал Кадзуо. — Странную тень.

Бармен помолчал, потом вытер стойку и тихо произнёс:

— Я тут давно работаю. И знаю, что такие тени появляются не просто так. Они цепляются к тем, кто превращает удовольствие в одержимость.

— Одержимость? — переспросил Кадзуо.

— Да. Сначала ты хочешь пива, потому что оно вкусное. Потом — потому что без него не можешь. А потом уже не ты хочешь, а *она хочет через тебя*. И чем больше ты поддаёшься, тем сильнее становится тень.

Кадзуо посмотрел на свою банку. Пиво в ней казалось теперь тёмным, почти чёрным.

— И что делать? — спросил он.

— Перестать кормить, — просто ответил бармен. — Не в том смысле, чтобы вообще не пить. А в том, чтобы вернуть себе выбор. Чтобы желание снова стало твоим, а не навязанным.

На следующий день Кадзуо не пошёл в бар. Вместо этого он отправился в парк, купил себе мороженое и сел на скамейку у пруда.

Мысль о пиве всплыла в голове, как пузырь на поверхности воды. Он позволил ей быть, но не стал следовать за ней. Просто наблюдал, как она растворяется.

Тень появилась снова — на этот раз у кромки воды, будто отразилась в ней. Она потянулась к нему, но Кадзуо покачал головой.

— Нет, — сказал он вслух. — Это мой выбор.

Тень замерла, заколебалась и начала рассеиваться, как дым на ветру.

Через неделю он снова пришёл в бар — но уже в обычный четверг. Заказал одну банку пива, медленно её выпил, наслаждаясь вкусом и прохладой.

Бармен улыбнулся:

— Сегодня ты выглядишь иначе.

— Я и чувствую себя иначе, — ответил Кадзуо. — Как будто снова стал собой.

Дыхание свободы

Он допил пиво, расплатился и вышел на улицу.

Вечер был тёплым, пахло цветущими деревьями.

Где-то вдалеке смеялись дети.

Кадзуо глубоко вдохнул и улыбнулся. Мир снова стал обычным — не затуманенным навязчивой идеей, а ясным и полным возможностей.

И только где-то на краю сознания,

как далёкое эхо, прозвучало:

«Ты победил не раз и навсегда. Ты победил сейчас».

Он кивнул сам себе. Это было правильно.

Выбор — это не одно решение, а череда решений.

И он был готов делать его снова и снова.

Кнопка

В далёком будущем, когда технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого человека, в одном из параллельных измерений, где реальность переплеталась с кошмаром, появилась таинственная кнопка. Она стала порталом между мирами, соединяя жителей технологически продвинутой Земли с их тёмными двойниками из мира-тюрьмы, где не было места прогрессу и гуманизму.

Однажды она появилась. Появилась в чёрном ящике, без этикетки, без инструкции. Просто — кнопка. Маленькая, матовая, как застывшая капля крови. На ней — надпись, будто выжжена кислотой:

«Нажми — и твой мир изменится.
Но кто-то потеряет свой».

Алекс не верил в проклятия. Он был программистом.
Логика. Код. Алгоритмы.

Но когда впервые увидел, как её глаза — глаза Лизы, его Лизы — вспыхнули чужим светом, он понял: это не сбой. Это — перезагрузка души.

Она сказала:
— Ты слаб. А мир требует силы.
— Но ты же мечтала о добром мире, — прошептал он.
— Мечты — это болезнь. А я выздоровела.

Сначала он списывал это на стресс и амбиции. Но чем дольше наблюдал, тем яснее видел: люди менялись изнутри. Их речи оставались прежними — те же обороты, те же шутки, — но за словами проступала чужая логика. Они рассуждали здраво, действовали последовательно, но их решения теперь вели к разрушению: конфликтам, жадности, желанию подчинять.

Он начал копать. Нашёл форум — «Обменённые».
Там писали о снах, которых не было.
О воспоминаниях, что не принадлежали им:
«Я чувствую, что внутри меня кто-то есть.
Он думает за меня».

Они выяснили: кнопка не просто перемещала людей между мирами. Она переписывала их. Не стирала память, не ломала разум — а подменяла ядро личности. Оставались навыки, знания, даже привычки, но исчезала та невидимая суть, которая делала человека им самим.

Алекс вспомнил слова старого хакера с форума: «Тело — как терминал доступа к миру. Нажав кнопку, ты отдаёшь этот доступ миру теней. Тысячи сущностей могут пожелать воспользоваться твоей „щедростью“. Ты думаешь, что меняешься сам, а на деле — становишься порталом для чужих воли и жажды».

И тогда Алекс понял. Кнопка не открывала дверь.
Она меняла стражника у ворот.

И, если тело — терминал. То душа? Душа — это сессия, которую можно завершить одним нажатием.

Он нашёл дневник.

Свой. Или — того, кем он был когда-то.

Единственная запись:

«Я думал, что стану сильнее. Но теперь чувствую, как оно растёт внутри. Я всё ещё помню, кто я, но каждое утро просыпаюсь и нахожу в себе что-то новое. Что-то холодное».

Алекс стоял перед зеркалом.

— Кто ты? — спросил он отражение. Оно не ответило.

Но в уголке губ мелькнуло нечто —

ухмылка, которой у Алекса не было.

Он не стал уничтожать кнопку.

Он понял: некоторые двери нельзя закрыть.

Но можно быть тем, кто стоит у порога.

Кто помнит. Кто сомневается. Кто размышляет.

Он стал Хранителем Границы —

следил, чтобы тьма не принимала вид света.

Он знал:

Технологии не ломают людей. Они дают возможность — стать тем, кем они боялись быть.

Или — кем хотели быть.

А может, кем ждали быть.

Но если ты вдруг почувствуешь, что внутри кто-то думает за тебя — не спеши называть это духовным ростом.

Спроси:

«Кто ты? И давно ли ты здесь?»

Просто помни: тело — терминал.

А вокруг —

столько желающих забрать твой мир.

Письмо из прошлого

Кэндзи Ямамото проработал архивариусом двадцать лет, но никогда не испытывал такого странного чувства. В стопке старых документов он нашёл конверт с собственным именем — и почерком, который узнал бы из тысячи.

Своим почерком.

Но он точно не писал этого письма.

«Дорогой Кэндзи,

15 июня ты встретишь человека с зелёным зонтом.

Не отказывайся от разговора.

20 июля ты совершишь ошибку:

подпишешь документ, не прочитав его до конца.

Это не катастрофа, но ты почувствуешь вину.

Чтобы исправить её,

25 июля позвони в детский дом №7 и предложи помощь.

Это не пророчество. Это напоминание.

Ты уже проходил этот путь.

Теперь пройди его осознанно.

Твой будущий/прошлый ты»

Кэндзи рассмеялся.

Но 15 июня он встретил человека с зелёным зонтом — тот искал дорогу к библиотеке. Кэндзи проводил его.

20 июля он действительно подписал документ, не дочитав до конца. Чувство вины было знакомым, будто он уже переживал это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.